

- ¹ Ср. особо высокую оценку эвристической стороны этой этимологии В. Дм. Лобко в рецензии на второй том словаря, написанной В. А. Меркуловой (Этимология. 1981. М., 1983. 161).
- ² Как нам уже отмечалось (см.: Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, 38), Е. Каллеман впервые обратил внимание на то, что палатализирующие и лабиализирующие славянские диалекты характеризуются фиксацией всех трех типов протез (*i, y, h*), причем йотовая протеза может выступать перед гласным заднего ряда, а билабиальная — перед гласным переднего ряда (см. *Callemann B. Zu den Haupttendenzen der ur-slavischen und altrussischen Lautentwicklung*. Uppsala, 1950, 74). По мере исчезновения палатализации и лабиализации происходит ликвидация протезирования как живого процесса при возможном сохранении начала, отражающего реликты старых протез.
- ³ См. в последнее время: *Ramovš F. O splošnih slovanskih pojavih pri protezi in hiatu*. — SR V—VII, 1954; *Debeljak A. O mrtvih velarnih predponah*. — SR V—VII, 1954; *Чалыков М.* Начальное консонантно-редуванье *g-: v-* в славянских диалектах. — Славистический сборник. С., 1968; *Петлева И. П.* К вопросу о *g-*протезическом в славянских языках. — В кн.: *Этимология*. 1976. М., 1978.
- ⁴ Этот пример отсутствует в приведенной выше работе И. П. Петлевой, но упоминается в автореферате ее кандидатской диссертации.
- ⁵ См.: *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983, 53.
- ⁶ Ср.: *Callemann B.* Op. cit., 123, который считает, что живое употребление всех трех протез в великопольских диалектах отражает еще праславянское состояние. Он приводит, однако, лишь перечисленные выше примеры (*jutro, večer, večati*), хотя к ним можно было бы прибавить по крайней мере *gqžb, gqsenica* и *gušcerz*, начало которых в таком случае было бы реликтом праславянской *h*-протезы (ср. *Мартынов В. В.* Указ. соч., 40).
- ⁷ *Hadrovics L. Südslawische Beiträge zum russischen Etymologikon*. — ZfS VII, 5, 1962, 651—652.
- ⁸ См.: *Мартынов В. В.* Бел. выр. — Белорусская лингвистика, VII, 1975, 69.
- ⁹ Ср.: *Skok I*, 773—774.

А. К. Матвеев

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ УСЛОВНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О существовании условных (оказиональных) топонимических систем, которые создаются в случае необходимости исследователями-первопроходцами, военными, туристами, охотниками и т. п. и функционируют короткое время в узком кругу лиц, известно достаточно хорошо, но лингвистам уже по характеру своей деятельности редко приходится принимать участие в формировании таких систем, тем более сколько-нибудь систематически. На долю автора выпал счастливый случай: уже более пятнадцати лет он в составе группы охотников из трех человек активно участвует в создании условной топонимической системы для территории части Саргинского охотничьего хозяйства в Шалинском районе Свердловской области (верховья реки Баская). Кроме автора, в состав группы входят доцент А. Н. Левков (физик) и доцент Ю. Н. Тундыков (философ).

Начальный этап формирования этой условной топонимической системы уже был охарактеризован¹. Сейчас в ней более ста топонимов, которые накладываются на общезвестные в данной местности названия населенных пунктов и рек и в основном прилагаются к микрообъектам, существенным для охотников (названия логов, лугов, участков леса, дорог, троп, просек и т. п.).

Изучение топонимической системы в процессе развития, «в лаборатории», позволяет сделать некоторые выводы о путях ее формирования, конечно, неабсолютные, так как с течением времени номинация все чаще сопровождалась актами контроля (обсуждением новых названий), т. е. становилась более или менее специальной. Вместе с тем сразу же следует заметить, что узкая специализация каждого из участников этого своеобразного эксперимента не имела сколько-нибудь существенного значения для номинации, напротив, их принадлежность в целом к категории работников умственного труда явно сыграла определенную роль.

Статистически наиболее интересен высокий процент условных названий просек, дорог, троп (50 %). Это объясняется способом топонимического членения территории, а также типом ее хозяйственного освоения и согласуется с выводом А. Леруа-Гурана о двух главных видах восприятия пространства — «маршрутном» и «радиальном»². Естественно, что охотник прежде всего называет линии — «маршруты», пространства между ними, а также отдельные «точки» на линиях, при этом оказалось, что такие «точки» могут характеризоваться очень общим и в целом нетипичным для русской топонимии термином место (*Браконьерское место, Красивое место, Рыбацкое место*). Последнее свидетельствует об элементе произвольности в выборе географических терминов в процессе номинации и о значении фактора выбранной модели (ср. ниже о названии *Затерянный Мир* и др.), естественно, в пределах возможностей языка и, в частности, инвентаря апеллятивных и ономастических лексем и моделей. В связи с этим целесообразно привести примеры словосочетаний со словом место из пермских памятников XVII в.: *боровое место, кошениное место, пальчиковское место* (топоним?), *подморинное место, согорное место, степное место* и т. п.³

Из средств номинации широко распространен метонимический перенос, который нередко происходит в ущерб смыслу: *Свердловская избушка* (теперь не существующая избушка свердловских охотников) — *Свердловская дорога* (она идет не в Свердловск, а к Свердловской избушке). При этом подчас возникают цепочки названий: железнодорожный остановочный пункт *Берлога* — *Берложская узкоколейка* — *Берложская дорога* — *Берложская плотина* и т. п. Что касается других типов переноса, то среди них обращают на себя внимание привычные ассоциации: большой луг получает название *Безжин Луг*, длинный кольцевой маршрут — *Кольцо Нибелунгов*, треугольник между дорогами — *Бермудский Треугольник* (так в шутку называют и один из новых микрорайонов Свердловска). При возникновении таких названий срабатывает прочно усвоенная связь: если луг, то Безжин, если кольцо, то Нибелунгов, если треугольник, то

Бермудский. Эти топонимы содержат минимум метафорической образности и их следует отличать от собственно метафор, например, названия урочища *Лапа*: лесная дорога разветвляется там на три тропы и охотники продолжают путь по *Иравому, Среднему* или *Левому Когтю*.

В некоторых случаях возникают целые комплексы образных названий: *Затерянный Мир* — глухой и труднодоступный участок леса, где раньше было много дичи (метафора, построенная на названии известного научно-фантастического романа А. Конан-Дойля), *Потусторонний Мир* — участок леса за Затерянным Миром, «по ту сторону» от него (название-ориентир, построенное по той же модели, но не без доли юмора), *Загробный Мир* — участок леса за Потусторонним Миром (метонимическое «расщепление» на базе синонимии: *Потусторонний Мир* — *Загробный Мир*)⁴, *Адская просека* — действительно очень трудная для передвижения, заросшая и заваленная упавшими деревьями просека, ведущая в Потусторонний мир (семантика обусловлена «заданностью» тематики возникающего комплекса названий), *Чистилище* — удобное для отдыха место в конце Адской просеки (метафора того же типа, что и предыдущая), *Райское Кольцо* — круговая дорожка в Потустороннем Мире, очень красивая и легкая для ходьбы, да еще и богатая дичью (метафора того же типа).

Цельность подобных комплексов названий обеспечивается их тематическим единством, тогда как пути номинации могут быть различны. В то же самое время важно отметить, что организующим центром в таком комплексе далеко не всегда является первое по времени возникновения название. В рассмотренном случае базой для возникновения комплекса в конечном счете оказался топоним *Потусторонний Мир*. С другой стороны, контингент номинаторов — убежденных атеистов — и описанные выше причины номинации ясно указывают на то, что из этого комплекса (если допустить, что со временем он стал бы достоянием языка в целом) топонимисты могли бы извлечь избыточную, но ложную информацию историко-этнографического характера, особенно в отношении создателей топонимии.

Теоретически процесс формирования топонимической системы, в том числе и условной, следует представлять как наложение вторичной сетки названий на первичную или как создание первичной сетки названий (на ранее незаселенных территориях). Для формирования таких сеток имеет большое значение комплексность номинации и ее профессиональная ориентированность, которые обязательно должны учитываться при топонимических разысканиях.

Наблюдения над условными топонимическими системами, возможно, будут полезны и при теоретическом осмыслении некоторых методических проблем топономастики. В частности, широкое распространение метонимии и привычных ассоциаций обычно недостаточно учитывается при анализе топонимического субстрата.

Случаи метонимического переноса в субстратной топонимии прозрачны и доказательны, если одна и та же топонимическая лексема прилагается к двум или более смежным географическим объек-

там разного типа, например, к реке и горе. Так, тюркское по происхождению название смежных объектов — реки и горы — *Карабайка* легко интерпретируется из башк., татар. *карабай* 'богатый черным'. Несомненно здесь и метонимия, по ее направлению установить не так просто. Общего соображения, что гидронимы обычно древнее оронимов, явно недостаточно. Между тем иногда важно не только найти этимологию, но и адекватное ономазиологическое объяснение. В данном случае именно гора, покрытая «черным» — хвойным — лесом, получила название за свои темные очертания, тогда как название реки возникло по метонимии.

Вывод о том, что тюркские топонимы с компонентом *-бай* 'богатый' характерны для оронимии Среднего Урала, находит подтверждение и в названии одной из самых высоких вершин горного массива Веселые горы — *Билимбаи*, однако семантика этого наименования — 'богатый знанием' (башк., татар. *белем* 'знание') — нетипична для оронимов. Можно, конечно, предположить, что в основе здесь антропоним или произошел перенос названия весьма удаленного от Веселых гор поселка Билимбаи (по которому протекает речка Билимбаиха), но более надежен другой путь интерпретации, основанный на учете как метонимии, так и комплексности номинации.

Гора Билимбаи расположена рядом с другими значительными вершинами Веселых гор — Старик-Камешь и Шайтан — в зоне древних мансийско-тюркских контактов, охватывающей горное Приуралье в бассейне реки Чусовой. Поэтому есть возможность рассматривать название *Старик-Камешь* как точную русскую кальку мансийского Нёр-Ойка 'Старик-Камешь', *Шайтан* (< тюрк. *şaitan* 'черт') — как вольную тюркскую или русскую передачу мансийского названия с оттенком экспрессии (Нёр-Ойка — окаменевший языческий бог или полубог), а *Билимбаи* — как близкое по смыслу тюркское название ('богатый знанием' = 'знахарь')⁵.

Если же метонимии в этом случае не было, то перед нами фрагмент какого-то древнего топонимического комплекса религиозно-мифологического характера (см., однако, выше о названии *Потусторонний Мир*), в своей основе скорее всего мансийского, сохранившийся в результате интенсивных языковых контактов между русскими, манси и тюрками. В любом случае 'Каменный Старик', '(Каменный) Черт' и '(Каменный) Знахарь' составляют интригующую оронимическую группу, которая требует дальнейшего осмысления.

Широко распространенный в топонимии перенос по привычной ассоциации, который, как было показано, совсем не обязательно имеет мемориальный характер, также необходимо учитывать при изучении топонимического субстрата. Любопытно в связи с этим заметить, что упомянутое выше название леса *Затерянный Мир* уже спустя год после своего возникновения было шаблонизировано и перенесено на другой участок леса, который для различения в конце концов стали именовать *Малым Затерянным Миром*. Эти два Затерянных Мира не являются смежными объектами и значительно удалены друг от друга.

О СУЩНОСТИ БЕГЛОГО *s*-

В свое время Фасмер фактически допустил, что названия трех Вишер (притоков Волхова, Камы и Вычегды) связаны друг с другом и являются славянскими или во всяком случае, индоевропейскими (Фасмер I, 325). На наш взгляд, названия камской и вычегодской Вишеры (коми *Висер*, *Висьёр*) трудно отделять от других уральских гидронимов (ср. *Бисер*, *Бисерть*, а также *Ньюссер*, *Тымсер*), хотя наименования волховской Вишеры могло по народной этимологии повлиять на фонетический облик заимствованных русскими речных названий.

Намного показательнее другой пример. В Двинскую Губу Белого моря впадают реки *Ижма*, *Куя* и *Лая*. Точно такой же комплекс речных названий — *Ижма*, *Куя*, *Лая* — есть и в низовьях Печоры. Так как субстратная топонимия севернорусского типа в бассейне Печоры представлена относительно небольшим количеством названий, а на территории Русского Севера названия с соответствующими основами, напротив, обыкновенны (*Ижма*, *Ижмозеро*, *Ижмопема*; *Куйозеро*, *Куйбуя*; *Лая*, *Лайозеро*, *Лайполье* и т. д.), допустимо предположение о переносе группы субстратных гидронимов севернорусского типа в бассейн Печоры, хотя вопрос об авторах переноса остается открытым. Это могли быть и древние насельники Заволочья, и русские первопроходцы. Как те, так и другие, скорее всего, проникли в низовья Печоры морским путем.

Автор понимает, что закономерности современной топонимической номинации, к тому же в значительной степени искусственной, рискованно прямолинейно переносить на прошлое, но необходимость совершенствования методики топонимических исследований настоятельно требует использования всех возможностей для того, чтобы лучше представить себе разные формы механизма номинации, которые в значительной степени являются универсальными. Изучение условных топонимических систем в процессе их формирования представляет в этом отношении определенный интерес.

Примечания

- ¹ Матвеев А. К. Топонимастика и современность. — В кн.: Вопросы ономастики, 8—9. Свердловск, 1974, 13.
- ² *Leroi-Gourhan A. La geste et la parole*. II. P., 1965, 155—161.
- ³ Полякова Е. Н. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века. Пермь, 1972, 28.
- ⁴ Определенное сходство с этим явлением можно обнаружить в так называемых метонимических кальках: в озере Чачема 'водяное', ср. саам. *časse* 'вода', впадает река Мокрая (см.: Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований. — ВЯ, 1972, № 3, 80—81).
- ⁵ Подробнее см.: Матвеев А. К. От Най-Хоя до Мугоджар. Свердловск, 1984, 120—121, 171—175.

Сущность индоевропейского беглого *s*- в корневых вариантах типа **steg-/leg-* 'покрывать', **spek-/pek-* 'видеть' объясняется по-разному иногда даже одним и тем же авторами, но в общем эти объяснения сводятся либо к признанию элемента *s*- остатком древнейшего префикса¹, либо к рассмотрению параллелизма вариантов с начальным *s*- и без него как результатов действия сандхи в предложениях индоевропейского праязыка (в позициях после слов с конечным *-s*)². Подробное рассмотрение соответствующего фактического материала приводит к заключению, что звуковые формы корней с начальным беглым *s*- перед согласным представляют собой лишь структурные варианты корней, содержавших компонент *s* после того же согласного, который мог выступать без огласовки, с любой огласовкой (чаще всего *e*, *o*, реже *i*, *u*, *a*) или в сопровождении инфикса (*-n-*, *-m-*, *-r-*, *-l-*, *-H-*). При наличии распространителя или суффикса элементарный двухсогласный корень мог терять один из своих согласных компонентов, причем обычно выпадал *s*, но иногда, — по-видимому, на более поздних этапах развития языков — терялся другой компонент и элементарный корень оставался представленным одним *s*. Таким образом, совокупность явлений, связанных с беглым *s*-, представляет собой параллелизм корневых вариантов типа **ks-* (*s-*, *kes-*, *kis-*, *kos-*, *kus-*, *kas-*, *kps-*, *kps-*, *kʃs-*, *kʃs-*, *kʃs-*) || **sk-* || **k-*. При этом корневые варианты без огласовки и без инфиксов всегда сопровождаются распространителями.

В настоящее время можно указать по меньшей мере десять широко представленных в индоевропейских языках элементарных корней с беглым *s*-, выступающих в виде рядов корневых вариантов, включая четыре пары корней-омонимов или 'кажущихся омонимами вследствие утраты первоначальных семантических связей. Другие подробные ряды вариантов корней с беглым *s*-, по-видимому, подверглись более или менее значительному разрушению, хотя возможно, что некоторые из них еще будут частично реконструированы. В отдельных случаях допустимо предположение и о вторичном возникновении параллельных звуковых форм с начальным *s*- и без него по аналогии к исконным корням с беглым *s*-.

В предлагаемом изложении из большого количества в одинаковой степени убедительных данных, касающихся десяти элементарных корней с беглым *s*-, приводится лишь ограниченная часть примеров.

1. Корень **ks-* 'бить (и умерщвлять), рубить, раскалывать, колоть, копать, рыть, скрести, чесать, трогать': варианты **ks-*, **kes-*, **kis-*, **kos-*, **kus-*, **kas-*, **s-* — др.-инд. *kṣanóti* 'ранит', *kṣapayati* 'разрушает, уничтожает', *kṣāláyati* 'моет, чистит', *kṣódati* 'дробит, толчет', *kṣudráh* 'малый, низкий, незначительный', *kṣuráh* 'бритва', авест. *kasu-* 'малый', перс. *kih* то же, греч. $\xi\acute{\epsilon}\omega < *ks\acute{e}\omega$ 'скоблю', $\xi\acute{\omega}\omega$